

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

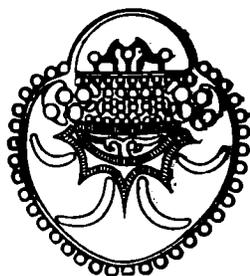
1

1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ВОСЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1964

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, главный редактор,
С. Н. Бибииков, *В. Д. Блаватский*, *А. Я. Брюсов*, *Е. И. Крупнов*,
Б. Б. Пиотровский, *Б. А. Рыбаков*, *А. П. Смирнов*

ответственный секретарь *Р. М. Мунчаев*

Адрес редакции:
Москва, ул. Д. Ульянова, д. 19

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Агеркина*

Т-01931 Подписано к печати 16/1-1964 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 11¹/₂
Печ. л. 33,2 Уч.-изд. л. 33,6 Тираж 1975 экз. Зак. 2815

2-я типография Издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

О НАЗНАЧЕНИИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ КОРЧАГИ С НАДПИСЬЮ «ГОРОУШНА»

При раскопках в Гнездове, Д. А. Авдусин нашел в одном из курганов глиняный амфоровидный сосуд¹. Такие сосуды в древней Руси обычно назывались корчагой. Корчага лежала поверх кострища, разбитая на множество кусков. На трех обломках имелась надпись, сделанная кириллицей после обжига сосуда. Все захоронение хорошо датируется первой четвертью X в. Таким образом была найдена древнейшая русская надпись. Она привлекла к себе большое внимание историков и лингвистов. Уже вышло пять работ, в которых надпись подвергнута обстоятельному разбору. Однако результат исследований получился несколько неожиданный: пять разных толкований одного и того же слова.

Так, М. Н. Тихомиров² читает надпись как «гороухща», что, по его мнению, означает «горчица» или какая-нибудь другая пряность. П. Я. Черных³ считает, что на корчаге написано «гороушна», т. е. «горчичные» (зерна). Ф. Мареш (ЧССР)⁴ видит здесь два слова: «Гороух пса», т. е. «Гороух (имя мужчины) писал». Р. Якобсон⁵ (США) считает, что на корчаге процарапано слово «Гороунья», т. е. «Горунова» (корчага). Известно, что такое имя имелось в древнеславянской ономастике. Наконец, Г. Ф. Корзухина⁶ полагает, что надпись надо читать: «горуша», т. е. «горючая» нефть (буква «х», как думает автор, вставлена здесь по ошибке).

Причина столь различных толкований одной и той же надписи отчасти объясняется ее не вполне понятной транскрипцией. Вместе с тем, как нам кажется, можно гораздо ближе подойти к правильному решению, рассматривая эту находку как один из атрибутов погребального обряда. С этой точки зрения мы и попытаемся разобраться в памятнике, полагая, что наиболее убедительное прочтение надписи дали М. Н. Тихомиров и, особенно, П. Я. Черных, вариант которого и берется нами за основу. Нам хотелось бы подкрепить их выводы дополнительными соображениями.

У восточных славян было широко распространено поверие об упырях, мертвецах, встающих из могил и бродящих по ночам. Их называли также «мерці», «еретники» и т. д. Считали, что такими неприкаянными покойниками чаще всего бывают люди, так или иначе связанные со злыми духами, с так называемой «нечистой силой». К ним относили, например, умерших «не своей» смертью, в том числе и самоубийц, а также колдунов, знахарей, ведьм и прочих, что «продали» свою душу «нечистой силе», чтобы получить от нее дар особого ведения и знаний⁷. В момент кончины «вещего» человека сонм «нечистиков» забирал якобы его душу, а сами они вселялись в его тело, и покойник начинал бродить по ночам, всячески досаждая людям. Считали, что такие «мерці», не отличаясь ни-

¹ Д. А. Авдусин. Раскопки в Гнездове. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 72, 77—79.

² Д. А. Авдусин, М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. ВАН, 1950, 4, стр. 72.

³ П. Я. Черных. Две заметки по истории русского языка. «Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка», IX, 5, 1950.

⁴ F. V. Mareš, Dva objevy starých slovanských Nápísů (v SSSR u Smolenska a v Rumunsku). «Slavia» 1951—1952, XX, стр. 497 сл.

⁵ Iakobson, Vestiges of the Earliest Russian Vernacular. «Word». 1952, VIII.

⁶ Г. Ф. Корзухина. О гнездовской амфоре и ее надписи. Сб. статей в честь проф. А. И. Артамонова, Л., 1961, стр. 226—230.

⁷ В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, I, 1891 стр. 240—241; В. Гнатюк. Похоронні звичаї и обряди. Етнографічний збірник, XXXI—XXXII, Львов, 1912, стр. 321.

чем от злых духов, несут с собой беды и несчастья, а также поваральные болезни⁸.

В основе своей эти поверья очень древние. Известно, например, сообщение летописи о нашествии таких бродящих покойников, «навьев» на г. Полоцк, относящееся к XI в.⁹

Способы борьбы с этими злыми духами хорошо известны из этнографической литературы. В числе этих способов широкое применение находило обсыпание маком. Этот прием, кажется, был незнаком русским; в Белоруссии он отмечен по соседству с Гнездовом, на Витебщине и очень широко применялся по всей Украине¹⁰. Известен он был и у западных славян¹¹. Обряд состоял в следующем. Если по ряду признаков, считали, что умерший был при жизни человеком «знающим», т. е. колдуном и т. п. брали мак и обильно сыпали его в «домовину» (гроб) чародея, а также обсыпали вокруг дома или вокруг могилы. При особой назойливости упыря советовали посыпать маком дорогу от кладбища до дома¹². При этом всегда приговаривали, обращаясь к беспокойному мертвецу: «Тоді в дом вйдеш, коли весь мак переличиш!», (т. е. пересчитаешь)¹³. Цель этой действий, таким образом, вполне ясна. С помощью этого хотели отвлечь внимание злых духов от живущих, направить их вредоносную силу на другой путь. Считалось, что не заняться пересчетом маковых зерен мертвец не может: это выше его сил. Поэтому для посыпания брался не всякий мак, но чаще всего самый мелкий мак-самосейка «выдюк», или «хрустаец» (*Paraver Rhoëas L.*)¹⁴, на 1 кг которого приходится около 10 млн. штук семян¹⁵. Народная традиция утверждала, что пересчитать «выдюк» мертвец никогда не сможет и навсегда оставит живущих в покое.

«Выдюк», таким образом, считался как бы идеальным средством от злых духов, но, что важно для нас отметить, не единственным.

Среди народа были широко распространены поверья о том, что «знающие» люди заставляют подвластную им «нечистую силу», постоянно просящую себе какой-нибудь работы, считать смешанные семена овса и льна, иголки на елях, перетаскивать песок с берега в реку по песчинке, собирать по порошинке муку, развеянную в воздухе, и т. д.¹⁶

Громадная сила стихийных явлений природы, враждебная человеку в древности и непонятная ему, послужила, очевидно, началом всех этих воззрений, так своеобразно преломившихся, в конце концов, и в представлениях о бродячих мертвецах. И поэтому главное, как нам кажется, в описываемом обряде, конечно, не мак, а стремление создать для

⁸ М. К. Васильев. Малорусские похоронные обряды и поверья. «Киевская старина», 1890, август, стр. 320; Н. Ф. Сумцов. Культурные переживания. Киев, 1890, стр. 219—222; П. Ефименко. Упыри. «Киевская старина», 1883, июнь, стр. 371.

⁹ ПСРЛ, I, СПб., 1846, стр. 92.

¹⁰ Н. Я. Никифоровский. Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Вильна, 1907; стр. 99; Ив. Бенковский. Мак в народной демонологии на Волини. «Киевская старина», 1905, апрель, стр. 735; К. Ящуржинский. Остатки языческих обрядов, сохранившихся в малорусском погребении. «Киевская старина», 1890, январь, стр. 130 сл.

¹¹ A. Fischer. Zwyszaje pogrzebowe Ludu Polskiego, Lwow, 1921, стр. 348, 349.

¹² П. П. Чубинский. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край. Материалы и исследования IV, СПб., 1877, стр. 708, 712; Ив. Бенковский. Народные обычаи, приуроченные к Спасу. «Киевская старина», 1895, июль — сентябрь, стр. 13; В. Гнатюк. Знадоби до галицько-руської демонології. Етнографічний збірник, XV, Львов, 1904, стр. 149.

¹³ Ив. Бенковский. Смерть, погребение и загробная жизнь по понятиям народа. «Киевская старина», 1896, июнь — сентябрь, стр. 248; П. П. Чубинский. Ук. соч., I, стр. 85.

¹⁴ А. С. Рогович. Опыт словаря народных названий растений юго-западного края. Зап. Юго-западного отдела РГО, I, Киев, 1874, стр. 130.

¹⁵ Сорные растения СССР, З. Л., 1934, стр. 18.

¹⁶ С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903, стр. 110—111.

этих фантастических и невероятных сил какую-то преграду в виде особо трудных задач и условий. Поэтому, в свою очередь, нет ничего необычного в том, что в погребальном обряде X в. могли быть употреблены для указанных выше целей и горчичные зерна, о которых с давних пор шла молва (а об этом хорошо знали и в древней Руси), что «мъне есть въсехъ семень зърно гороушьно»¹⁷. В том же, что корчага с надписью служила для обрядовых действий, сомневаться вряд ли можно. После того, как содержимое ее было высыпано вокруг останков покойника, она была разбита и осколки ее разбросали по всей площадке¹⁸. Обряд битья посуды на похоронах отмечается во многих курганах Гнездова¹⁹. Интересно, что обычай этот на Украине сохранялся до недавних дней²⁰.

Древняя Русь, по-видимому, не знала собственной культуры горчицы, и она для нее являлась дорогостоящим деликатесом, доступным далеко не всегда. Поэтому можно предположить, что в описываемой корчаге могли помещаться зерна полевой горчицы *Sinapis Arvensis* L., широко распространенной в наших краях²¹.

На Украине она имеет даже особое, очень близкое к слову «гороуха», название — «горунка», очевидно, уменьшительное от «горуна»²².

Полевая горчица действительно очень мелка: на 1 кг семян приходится около 800 тыс. зерен.

Имелся ли, однако, повод для обряда обсыпания покойника на похоронах в кург. № 13? Мы полагаем, что имелся. Ведь в похоронном обряде этого кургана мы, видимо, имеем дело с особым случаем, подобным тому, что описал Ибн-Фадлан²³. Это были похороны какого-то знатного человека, возможно, мелкого князька или военачальника, которые, как известно, часто тогда выполняли и функции жрецов, были хранителями тайных знаний и обычаев племени, считались чародеями и волшебниками, людьми «вещими», наподобие Олега Старого или Всеслава Полоцкого, как рисуют их нам древние предания.

Обряд обсыпания мог быть в данном случае направлен не только против покойника-чародея, но и для защиты самого умершего или его души от посягательств демонов в ее трудной дороге на «тот свет». Такой обряд также сохранялся вплоть до недавнего времени на Украине, где бабкам-повитухам клали в гроб узелочек с маком, с помощью которого она смогла бы отвлечь внимание своих преследователей. Роль бабок-повитух в прошлом была, как известно, чрезвычайно почетной, а сами они пользовались особым уважением, являясь фактически добрыми знахарями, хранителями древних традиций и обрядов²⁴.

Таковы наши соображения относительно назначения в древнерусском погребальном обряде корчаги с надписью «гороушна».

¹⁷ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. I СПб., 1893, стр. 559.

¹⁸ Д. А. Авдусин. М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 73.

¹⁹ Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 г. Материалы по изучению Смоленской области, I. Смоленск, 1952, стр. 319.

²⁰ В. Гнатюк. Похоронні звичаї..., стр. 138, 246.

²¹ А. И. Мальцев. Атлас важнейших видов сорных растений СССР, I, М — Л., 1937, стр. 55—56.

²² А. С. Рогович. Ук. соч., стр. 130.

²³ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М. Л., 1939, стр. 83.

²⁴ В. Гнатюк. Похоронні звичаї..., стр. 302; П. Ефименко, Попытка околдовать волостной суд. «Киевская старина», 1884, март, стр. 508; П. В. Иванов. Очерк воззрений на загробную жизнь. Сб. Харьковск. истор.-филол. об-ва, XVIII, Харьков, 1909, стр. 249.